

Часть I

В Париже только-только наступил май. Платья женщин, сидящих на террасах в кафе, ловят каждый лучик солнца, падающий на них, каждый взгляд. Посетительницы сердятся на медлительного официанта, нервно поправляют выбившуюся прядь волос, когда гарсон наконец подходит, обмениваются банальными фразами, узнают друг у друга последние новости, прежде чем пропасть в чреве метрополитена. Весной Париж всегда одинаков, и это прекрасно. Солнце обладает чудесной способностью — оно заставляет мужчин забыть о зимних холодах, а вид распускающейся почки и оголенной ножки развеивает их печаль. Но в середине весны 1940 года разыгралась небывалая буря.

Уже с десяток лет в Европе чувствовались подземные волнения, и вот ужасное землетрясение внезапно разверзло почву. В недрах созрело что-то ужасное. В сентябре 1939 года появились первые толчки. Германия топчет Польшу. Через двое суток Франция вместе со своей соседкой Англией объявляет Гитлеру войну. Мир был создан в течение семи дней, а для того, чтобы принять решение его уничтожить, понадобилось гораздо меньше времени. У берегов Европы зарождается цунами.

Повсюду только и разговоров, что о войне. Некоторые считают, что она необходима для того, чтобы искоренить жестокость целого поколения, а то и двух. Другие с жаром доказывают обратное. Ах, ненавистная война, жалкое тщеславие тех, кто хочет ее развязать! Мы давим врага (затем появляется десять новых), превращаем города в руины, истребляем села, и все это во имя победы, которая в итоге не достается никому. Страсти разгораются, все друг друга ненавидят, и заканчивается тем, что

на террасах кафе французы ведут войну между собой, потому что враг все никак ее не начинает. Так начинался май 1940 года.

Враг, похоже, все не решается напасть на Францию; выходит, о войне думали зря. Вот уже восемь месяцев ничего не происходит, и в конце концов над войной начинают смеяться. И с возвращением весны запах крови и мысли о смерти исчезают, оставаясь разве что в памяти никому не нужных и постоянно брюзжащих инвалидов войны. Юбки парижанок продолжают шуршать над тротуарами. С Парижем ничего не может случиться, потому что Город Света никогда не погаснет.

Десятого мая в пять тридцать пять утра войска Гитлера, словно мощный восточный ветер, обрушиваются на Нидерланды, молнией проходят Бельгию и вторгаются на территорию Франции, в Седан. Французская армия уступает натиску Вермахта. Люфтваффе¹, эти хозяева неба, обстреливают дороги, бомбят коммуникации, заставляя тысячи беженцев пешком или на велосипедах перемещаться на юг, подальше от войны. Рейх в этом буйном цветении не терпит чужих цветов, только свои, поэтому повсюду валяется столько оборванных распускающихся почек. Он продвигается к Парижу семимильными шагами. Германия во всеоружии, Франция в слезах.

Теперь уже не до смеха. Все иностранцы немецкого происхождения, лица без гражданства из далеких стран, связанных с рейхом, должны незамедлительно явиться в указанные пункты сбора. Таковы меры, предпринятые французским правительством против «пятой колонны», составляющей внутреннюю угрозу для страны. Зерна следует отделить от плевел. Охота на «нежелательных» женщин: иностранок, незамужних, бездетных — началась.

Тем не менее незадолго до этого Франция протянула руку помощи несчастным, которые пытались избежать страшной участи. По причине происхождения или же из-за своих убеждений тысячи немцев, враждебно настроенных по отношению к гитлеровскому режиму, а также множество евреев из Польши

---

¹ Военно-воздушные силы Германии в период Третьего рейха.

и Бельгии были причислены к политическим оппозиционерам. Каждый месяц во Франции их становилось все больше; они не знали, куда идти. В спешке их селили в дешевые гостиницы и заброшенные казармы. Общество бросало в дрожь оттого, что эти иностранцы становились их соседями. Сколько из них при случае укусят руку, подающую им еду? Но французы все же мирились с их присутствием, чтобы не уподобляться нелюдям, на которых сами показывали пальцем.

Однако когда Гитлер внезапно приступает к блиц-кригу, беженцы становятся лишними.

Полицейские допрашивают прохожих, проверяют у них документы: зачистка, которая, как принято считать, необходима для безопасности Франции. «Нежелательные» женщины должны до семнадцати ноль-ноль явиться на Зимний велодром, а тех, кто не придет, обязательно разыщут. Есть среди них те, кто, повинуясь судьбе, набивает старые кожаные чемоданы, уже побывавшие на вокзалах Вены, Праги и Берлина, вещами, которые так дороги сердцу. Это вилки, ложки, кружки, платье с последнего летнего бала, ожерелье, доставшееся от бабушки, зеркало, письмо, карандаш и даже чулки.

Уму непостижимо, как такая прекрасная пора, когда распускаются цветы, может таить в себе столько страданий.

1

«Немцы, не покупайте в универмагах и у евреев!»

Лизе нельзя входить: она стоит у двери небольшого ателье по пошиву одежды *Nikolaiviertel*¹ и читает текст объявления, выведенный черной кистью на белом листе бумаги. Двое эсэсовцев в черной форме выгоняют клиентов и больше никому не дают заходить. Стоя в витрине, Фрида, мать Лизы, знаками показывает ей, что все хорошо. Лиза снова смотрит

---

¹ Nikolaiviertel — квартал в Берлине, в котором находится церковь святого Николая.

на вывеску: слово «евреев» подчеркнуто жирной линией. У нее, как это часто бывает у молодых людей двадцати лет, просыпается желание протестовать, усиленное ощущением несправедливости.

— Ничего страшного, мы откроемся завтра! — кричит Фрида в спину солдатам, изображая на лице улыбку, а Лиза тем временем уходит.

Направляясь домой, в небольшую квартиру в Николаифиртель, Лиза оказывается в огромной толпе. В этот день, 1 апреля 1933 года, сто пятьдесят тысяч человек маршируют по улицам Берлина; вскоре к ним присоединяется почти такое же количество молодых людей из гитлерюгенда. Мальчишки в коротких штанишках гордо несут ножи, на лезвии которых выгравированы слова «кровь и честь», а на рукоятках — эмблема партии. Отец Лизы погиб под немецким знаменем во время последней войны, а теперь ей приходится видеть это! Толпа распаляется и скандирует националистические лозунги. Лиза съеживается, как животное, застигнутое хищником врасплох, затем отделяется от толпы. Где-то в глубинах ее естества рождается уверенность: нужно уезжать отсюда, с этой земли, разверзающейся у них под ногами.

На следующее утро под окнами их дома уже тихо, на тротуаре валяются вчерашние листовки, приглушающие шаги. Лиза находит мать на кухне: та, как всегда, молча сидит за чашкой кофе. Кажется, что Фрида совсем не волнуется. Все ее движения неторопливы: это движения женщины, которая смирилась со своей участью.

— Мы не можем жить в постоянном страхе! — бросает Лиза, сообщая матери о своем намерении перебраться в свободный мир, в Париж, пусть даже для этого придется пересечь Европу.

Мгновение — и решение принято: сесть в первый же поезд, оставить позади все, даже могилу того, кого она называла папой, даже его имя.

После скитаний по Венгрии, Чехословакии и Италии Лиза и ее мать обосновываются на правом берегу Сены, сняв чер-

дачное помещение близ Бют-Шомон¹. Наконец-то они могут вздохнуть свободно: их грудь не сжимает боязнь, что их вышвырнут! Фрида быстро находит работу у одной обеспеченной дамочки, которой необходимо срочно обновить свой гардероб. Из-за всех этих тревог, вызванных войной, дама раздалась вширь. Нет-нет, она не поправилась, как она говорит, это аэрофагия². Бархатное платье темно-синего цвета, богато отделанное, вот-вот разойдется по швам, поэтому дама отдает его портнихе в благодарность за ее молчание. Оно уже немного вышло из моды, с такой длинной юбкой, приталенной блузкой и воротничком, доходящим до середины шеи. Вещь, изготовленную в Париже, нельзя выбрасывать, поэтому Фрида перешивает его для Лизы.

Что делать с нарядным платьем, если ты всего-навсего беженка? Конечно же, представлять, будто ты студентка и вдыхаешь вольный дух Сорбонны.

Лиза приподнимает длинную юбку, чтобы преодолеть шесть ступенек, которые отделяют двор от продолговатой площадки, спускающейся подобно ковровой дорожке к часовне с двумя статуями: Виктора Гюго и Луи Пастера — величественными символами ушедшего века. Студенты снуют туда-сюда с сосредоточенным видом, и Лиза наблюдает за ними, чувствуя себя так, будто находится за стеклом. Она могла бы стать одной из них, если бы говорила по-французски! У женщин короткие вьющиеся волосы под шляпой в форме колокольчика. Они подводят глаза карандашом, наносят на ресницы густой слой туши и хлопают ими, как бабочки крыльями. Их губы накрашены помадой! Женщины кутают в меха свои стройные фигуры и кажутся еще стройнее благодаря юбкам, оголяющим лодыжки. На ногах у них черные или белые туфли на каблуках, с застежками сверху. Все это так непохоже на Берлин! Застенчивой Лизе трудно привыкнуть ко всему этому. Она еще не знает, что такое мужская ласка. Эти женщины кажутся ей

---

¹ Парк на северо-востоке Парижа.

² Излишнее скопление воздуха в желудке и кишечнике.